

беспросветная осень на Русь!..» («Сергий Радонежский») «Ах, как дымом орда исшала, / Из Руси выбегая Опрочь!..» (Боброк)...

Большое значение в жизни поэта имеет подмосковный город Руза, что отражено в книге избранных стихотворений отдельным циклом «Русский дневник».

возможность. «Вот, — как бы говорит он, — что есть человек, утративший связь с Богом и закон любви.

Руководствуясь данной концепцией, можно понять, что содержательно и «Гологор» и «Возвращение» — произведения о богооставленности, с той лишь разницей, что в первом показана, что от неё (богооставленности) простекает природа ада, её принципиальная сущность, а во втором — утрата нравственно-духовных ориентиров.

Рассказывая о своем отце, автор вспоминает, что в детстве он читал Библию и вспоминает, как его отец читал Библию.

реке. Послания, со-путствующие художественные образы складываются, как прежде, из примет разных эпох: «Не предавай меня, моя река! / Согнулось тетивою мост всячий».

У Андрея Шацкова в стихах отыщется прелевое множество слов, значение которых современному человеку неизвестно.

Закрывает эти краткие размышления, хочется поблагодарить поэта за наши встречи в Москве, в Санкт-Петербурге и даже в Воронеже.

(Подборка стихов Андрея Шацкова — стр. 6)

ство беззлобно Мони кажется звеном другой цепи. Однако и то и другое всё равно связано между собой.

Оба эти произведения внутренне переключаются между собой, как бы продолжая рассмотрение общей для них проблемы путём взаимного перебега из одного текстуального пространства в другое.

Мы можем рассматривать различные авторские идеи в повести «Гологор» и рассказе «Возвращение», а таковых немало, однако в первую очередь следует принять к рассмотрению глубокое откровение об эволюции богооставленного сознания.

Вот из такого мира в символической финальной сцене и бежит чистая Катина душа по одинокой зимней тайге.

Такая Глухомань не позволит найти решение проблем и выйти из антропологического кризиса расчеловечивания человека.

Повесть «Кутига» в этом году стала победителем Всероссийского конкурса современной прозы имени В.И. Белова «Все впереди».

«Нива». Девушку звали Асей, а буран на местном языке — кутига. Автор в самом начале обозначает, что действие происходит в Оренбургской области.

Не жизнь, а «Кутига» какая-то..

О новой повести Максима Васюнова

Валерий Кремер... Поэт. Родился и жил в Саратове. Были публикации (их перечень убедитель, но не слишком длинен). Выходили книги. Получил несколько лет назад в подарок одну из них, я, склянув взглядом по скромному виду обложке, прочитал: «Любовь».

Вот она — настоящее, глубинное, предельно точное. И сразу вспомнилось название одной из поэтических книг Юрия Перминова — «Головокружения мои».

Чувствовал перед Валерием вину. Утешал себя: ведь будут у него ещё книги; вот следующая выйдет...

Вот она и вышла, следующая, но ничего не поправишь. Слова моего ровесника уже не услышит: в прошлом году Валерия Адольфовича Кремера не стало.

Эпиграфом — и главным посылом-критерием — пусть будет при этом мысль самого поэта, приведенная Елизаветой Мартиновой в послесловии: «Стихотворение — суть человека».

Далеко не всегда поэты живут, как говорится, «по сказанному», но Валерий Кремер, действительно, жил и писал «без завитушек».

Такие строки не пишутся, а вырываются, как стон, из почти задохнувшейся немоты, из рухнувших надежд и отчаяния целого поколения.

Спасибо настоящей поэзии, умеющей выразить суть случившегося потрясения всего одной строкой: «Мы только вышли покурить».

Вот она наша медицина! На фоне вечного оптимизма центрального ТВ здравоохранение в российской глубинке на самом деле заброшено.

жизненно точная: сколько было у нас на молодых дрожжах дружеских посиделок под «сухарь», да хоть ту же молдавскую «Фетяску», стихов и песен, разворованных за полночь...

Стихотворение «А поезд мчался, торопясь...» вроде бы не совсем о том: едущий в поезде лирический герой, «от духоты томся и от душевной смуты», мучится вопросом вечным: «Успеешь ли собою стать...».

«Встречный» нам выпал ещё тот: с пляшущимся в поставленном перед собой зеркалом мокрогубым нарциссом-машинистом и вырывающим у него «круль» пьяным помощником-расстрогой.

Парадокс поэзии: автор, скорее всего, написал о реальном дереве, а мне, читателю, глядящему на этот частный случай сквозя призму времени и личной судьбы поэта, видится нечто куда более значительное: жизнь, поэзия.

«Сожми лабонь. Нам по пути Срекою ночи, полной жаждой, Пусть дважды не дано войти И выйти не дано однажды».

«Удишь — и дверь закроешь виноматом. Ну что ты, что ты, в чём тебя винить? Она нам неподвлястна, эта нить, Ведущая откуда-то куда-то».

«Каждой ночью бежит по стальному кольцу, Каждой ночью скользит одинокий трамвай, Как ладонь по цеке, как слеза по лицу, От «прощай» до «люблю», от «люблю» до «прощай»».

Да, так близко друг к другу порой стоят эти два таких разных слова, так непоправимо близко. И всё же, всё же:

Александр НЕСТРУГИН

«Тёплый свет издалека...»

О книге Валерия Кремера «Вода небесная светла»

чувствовал перед Валерием вину. Утешал себя: ведь будут у него ещё книги; вот следующая выйдет...

«Сожми лабонь. Нам по пути Срекою ночи, полной жаждой, Пусть дважды не дано войти И выйти не дано однажды».

«Удишь — и дверь закроешь виноматом. Ну что ты, что ты, в чём тебя винить? Она нам неподвлястна, эта нить, Ведущая откуда-то куда-то».

«Каждой ночью бежит по стальному кольцу, Каждой ночью скользит одинокий трамвай, Как ладонь по цеке, как слеза по лицу, От «прощай» до «люблю», от «люблю» до «прощай»».

Да, так близко друг к другу порой стоят эти два таких разных слова, так непоправимо близко. И всё же, всё же:

«Ты касаешься взглядом меня, Косажино, как пробуют воду И случайный налив, и свободу Не скрывая потайного огня, Что расцвел в середине зымы В глубине ледяной немоты».

«Всё, прощай, чужая роль! Здравствуй, жизнь в морозном блеске! Эти солнечные всплески Называются Любовью».

«Странно представлять, что буду не жить. Что перестану любить и касаться Всей этой нежности. Просто уйду В тёмное небо».

Какой образ, какая щемящая, пронзительная лирическая нота! Но всё равно жизнь — больше и выше, сильней и милосердней смерти.

«Влюбленный, сомневающийся, любимый — и боящийся всё это потерять (Дождь», «Утренний крик»).

«Да, это поэзия поэта, — но без того снисходительного критического смысла, которому так нравится заключать это определение в ухмыляющиеся кавычки».

«Самое последнее предложение в повести не оставляет сердце читателя спокойным: «По прогнозам синоптиков, буря ещё вернётся в наши края»».

«Самое последнее предложение в повести не оставляет сердце читателя спокойным».

«Самое последнее предложение в повести не оставляет сердце читателя спокойным».

«Самое последнее предложение в повести не оставляет сердце читателя спокойным».

«Самое последнее предложение в повести не оставляет сердце читателя спокойным».

«Самое последнее предложение в повести не оставляет сердце читателя спокойным».

«Самое последнее предложение в повести не оставляет сердце читателя спокойным».

«Самое последнее предложение в повести не оставляет сердце читателя спокойным».

Артем ПОПОВ

носом полевые мыши». А ещё чувствуешь терпкий вкус облепихи и веришь в неё как в спасительное лекарство.

«Самое последнее предложение в повести не оставляет сердце читателя спокойным».